

В знак веры в жизнь вечную, в воскресение из мёртвых, клали на Востоке в древности Розу Иерихона в гроба, в могилы.

Странно, что назвали розой, да ещё Розой Иерихона, этот клубок сухих, колючих стеблей, подобный нашему перекасти-поле, эту пустынную жёсткую поросль, встречающуюся только в каменистых песках ниже Мёртвого моря, в безлюдных синайских предгорьях. Но есть предание, что назвал её так сам преподобный Савва, избравший для своей обители страшную долину Огненную, нагую мёртвую теснину в пустыне Иудейской. Символ воскресения, данный ему в виде дикого волчца, он украсил наиболее сладчайшим из ведомых ему земных сравнений.

Ибо он, этот волчек, воистину чудесен. Сорванный и унесённый странником за тысячи вёрст от своей родины, он годы может лежать сухим, серым, мёртвым. Но, будучи положен в воду, тотчас начинает распускаться, давать мелкие листочки и розовый цвет. И бедное человеческое сердце радуется, утешается: нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил когда-то! Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память!

Так утешаюсь и я, воскрешая в себе те светоносные древние страны, где некогда ступала и моя нога, те благословенные дни, когда на полудне стояло солнце моей жизни, когда, в цвете сил и надежд, рука об руку с той, кому Бог судил быть моей спутницей до гроба, совершал я своё первое дальнейшее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во Святую землю Господа нашего Иисуса Христа. В великом покое вековой тишины и забвения лежали перед нами её палестины—долы Галилеи, холмы иудейские, соль и жупел Пятиградия. Но была весна, и на всех путях наших весело и мирно цвели всё те же анемоны и маки, что цвели и при Рахили, красовались те же лилии полевые и пели те же птицы небесные, блаженной беззаботности которых учила евангельская притча...

Роза Иерихона. В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого—и вот опять, опять дивно прозябает мой заветный злак. Отдалились, неотвратимый час, когда иссякнет эта влага, оскудеет и иссохнет сердце—и уже навеки покроет прах забвения Розу моего Иерихона.